

ром Н. Андреева); «Альшиц... обращается к данной проблеме... довольно поверхностно»⁴¹ и т. д.

Не стоило бы говорить об этих замечаниях, тем более что неосновательность их рассматривалась выше, если бы они касались только меня. Дело, однако, в том, что в такой же манере — резкого и, как правило, не подкрепленного аргументацией осуждения — Н. Андреев говорит обо всех советских историках, занимавшихся эпохой Ивана Грозного: «Мнение И. И. Смирнова, что хотя Алексей Адашев и присягал на верность царевичу Дмитрию, он был одним из приверженцев Владимира Андреевича, не выдерживает критики и противоречит документам той эпохи»;⁴² «Примером излишнего фантазирования является попытка С. В. Бахрушина... изобразить „Избранную раду“ как административный орган Московского государства»;⁴³ «Мнение Лурье о том, что письма Курбского, посланные в Россию... являются частью пропагандистской кампании, которую вел Курбский... является нелепым и необоснованным и идет более от идей 20 века, нежели XVI века».⁴⁴

Такая склонность к категорическим, но не всегда обоснованным суждениям несомненно снижает ценность исследований Н. Андреева. Это тем более досадно, что самый факт обращения английского исследователя к вопросу о приписках к Лицевым сводам XVI в. можно было бы только приветствовать.

---

⁴¹ Там же, стр. 98.

⁴² N. Andreyev, Kurbsky's letters to Vas'yan Muromtsev. — The Slavonic and East European Review, v. XXXIII, № 81. London, стр. 420, прим. 40.

⁴³ Там же, стр. 422 и прим. 46.

⁴⁴ Там же, стр. 417.